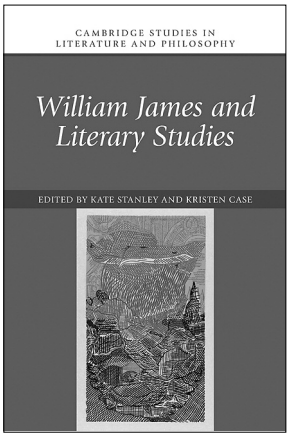
Библиография

Татьяна Венедиктова

Уроки литературоведу от Уильяма Джеймса

DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_305

William James and Literary Studies / Ed. by K. Stanley, K. Case.
Cambridge: Cambridge University Press, 2026. — XVIII, 418 p. —
(Cambridge Studies in Literature and Philosophy).



Книжная серия «Кембриджские исследования по литературе и философии» посвящена влиянию идей выдающихся философов на практики творческого письма. В ней уже вышли сборники статей о Витгенштейне, Канте, Ницше и Хайдеггере; героем нового толстого тома стал Уильям Джеймс. До недавних пор эта фигура если и занимала литературоведов, то лишь в составе культурно-исторического контекста (с попутно выражаемой благодарностью за изобретение термина «поток сознания») и в связи с творчеством брата-писателя. Возросший в последние десятилетия интерес к прагматике и прагматизму (при всей «непрямоте» и неочевидности взаимосвязи этих понятий) резко изменил положение дел. Более двух десятков участников проекта «Уильям Джеймс и литературоведение» (преимущественно американские ученые плюс несколько — из Германии и Канады) предложили настолько широкий и пестрый спектр подходов, что для составительниц сборника Кейт Стенли и Кристен Кейс группировка статей явно оказалась проблемой. Названия трех основных разделов — «Стиль», «Влияние», «Методология» — маловыразительны, и угадать, почему конкретная статья расположилась в том или в другом, непросто. Но общий вопрос понятен и может быть сформулирован так: чем вдохновляет нас Уильям Джеймс в сегодняшней познавательной и творческой деятельности? Или: чему и как он нас «учит»? Вторая формулировка тем более уместна, что комментарии относительно педагогической методы и преподавательской манеры Джеймса, психолога и философа, обрамляют дискуссию

в целом — представлены в преамбуле к ней и в завершающей «коде». Мы сосредоточимся на основных тезисах-«уроках», воспроизводимых и варьируемых во всех статьях, включая самые яркие из них.

Личный опыт Джеймса в сфере искусства был богаче, чем у кого-либо из классиков прагматизма: в юности он хотел стать художником, серьезно изучал живопись, подолгу живя в Европе, проводил много времени в музеях и галереях, был широко начитан и взыскателен в литературных вкусах. Об искусстве он размышлял много, но высказывался нечасто и при этом сознательно, можно сказать, программно избегал обобщений. В отличие от Джона Дьюи, Джеймс не оставил системного труда по эстетике. Эстетика для него — не теория, а стиль жизни, реализуемый, в частности, в практике письма. А роль писателя, как и оратора, и лектора, ему удалась на зависть: во многом благодаря его образным, часто поэтическим высказываниям прагматизм и стал на рубеже XIX–XX столетий заметным культурным явлением. Задним числом очевидно и то, что Джеймс в числе первых задумался о литературном произведении как о сложно устроенном коммуникативном акте, то есть расположил в фокусе внимания не текст, традиционное достояние филолога, а интеракцию, взаимодействие с текстом, иначе — *опыт*, авторский и читательский, индивидуальный и коллективный, пред-организованный и спонтанный, открытый пониманию, но лишь частично доступный рационализации.

Сборник открывает статья *Джейн Трейлкил*, профессора университета Северной Каролины, посвященная тому, *как* написана едва ли не самая знаменитая книга Джеймса «Принципы психологии» (1890). Автор задумывал ее как учебник, введение в новую учебную дисциплину (шутил, что первым освоенным им курсом психологии был его собственный курс), и обещал закончить за пару лет. Но пара лет разрослась до двенадцати, а стилистически, считает Трейлкил, сочинение стало напоминать роман. Очевидной тому причиной — интерес Джеймса-психолога к конкретному, единичному, непосредственно-чувственному знанию (в собственной его терминологии — *knowledge of acquaintance* или *sensible knowledge*, цит. по с. 47), к знанию-процессу, далекому от абстрактных умозрений, хотя не исключающему их.

Алисия Десантис, автор недавней диссертации о психологии воображения в XIX в., также анализирует стиль научных текстов Джеймса, имея в виду их нацеленность не столько на прояснение и обоснование авторской мысли, сколько на то, чтобы вести и подвести читателя к порогу инсайта, указать на новую смысловую возможность. Напрашивается сравнение с манерой Генри Джеймса, который в своей прозе также избегал прямого именования, культивировал искусство умолчаний и косвенного выражения. Вектор стилистических поисков брата-писателя, чьи поздние произведения в отсутствие сочувственной настроенности адресата оказываются непрозрачны и даже непроницаемы, старший Джеймс воспринимал сочувственно, но не без скепсиса. В целом, заключает Десантис, ответ на вопрос — кто из двух Джеймсов (больше) психолог, а кто (больше) писатель? — отнюдь не так самоочевиден, как может показаться на первый взгляд.

Лора Бигер, профессор Рурского университета в Бохуме, сопоставляет влияние, оказанное на словесность двумя великими современниками — Зигмундом Фрейдом и Уильямом Джеймсом. Первый в XX в. удостоился куда большего внимания со стороны литературоведов, возможно потому, что представления второго об осознаваемом и бессознательном в человеческом опыте были менее драматичны, зато, кажется, и более тонки. Для Джеймса неприемлем взгляд на сознание как на эпифеномен бессознательных процессов, как и вообще дуалистическое представление о человеческой психике. Напротив, он исходит из убеждения, что понятия и ощущения «внутренне однородны и перетекают друг в друга» (цит. по с. 232), самый

же опыт потокообразен и предполагает не отражение реальности, а ее формование и реформирование, поддержание между сознанием и миром динамических отношений взаимоадаптации (эти отношения Джеймс описывает как *mutual fit*, цит. по с. 305).

Майкл Клун, профессор Университета Огайо, анализирует взгляды Джеймса на эстетическое воспитание, подробно анализируя эссе «О человеческой слепоте особого рода» (1890), где Джеймс (нечастый случай!) напрямую обращается к литературному материалу. Слепота, о которой идет речь, — это неспособность увидеть мир глазами другого субъекта. В качестве примера Джеймс приводит свои впечатления от общения с жителями Северной Каролины. Вопрос: как могут обитатели пустошей, усеянных свежими пнями и наспех сооруженными уродливыми строениями, находить подобные ландшафты прекрасными? Ответ: они любуются плодами собственных усилий по освоению природы. Это переживание наивно и нелепо в глазах бостонского аристократа, но его следует признать по-своему эстетичным. Значит ли это, что все опыты и все вкусовые предпочтения равноценны? Кажется, нет. Начав эссе с прославления терпимости и всепонимания, Джеймс заканчивает его неожиданно — противопоставлением полноценно эстетического восприятия практически любому другому. Кто ближе к истине, вопрошает он, Уолт Уитмен, «бесцельно» созерцающий городские виды и толпы с верхотуры омнибуса, «или вы, полные презрения к бесполезности подобного времяпровождения?» (цит. по с. 77). Предметом критики здесь оказывается неспособность чувствовать форму как таковую, нечуткость к «жизненным токам» (*life-currents*), — увы, весьма распространенная. Слепоту большинства людей Джеймс связывает с преобладанием в отношении к жизни практического интереса и объясняет ее двумя причинами. Первая сопряжена с устройством сенсориума: замещая непосредственность реакций практической хваткой, мы экономим, действуем как будто бы себе на пользу, а на деле — себе в ущерб: например, вместо шелеста листвы, игры оттенков зеленого, прохлады и запаха, то есть богатства аудиовизуальных и тактильных впечатлений, воспринимаем их скучную тень — «дерево». Вторая причина кроется в социальной природе человека: мы склонны видеть глазами других людей и потому абстрактность «ничейного» восприятия часто переживаем как нам лично присущую, а остро-индивидуальный взгляд (того же Уолта Уитмена) представляем, наоборот, «имперсональным». Так или иначе, в искусстве высшей, даже абсолютной ценностью полагается соприкосновение с инаковыми структурами субъектности — именно оно освобождает от уз привычки и открывает наш собственный опыт развитию. Нельзя не заметить, что в этой точке рассуждение Джеймса уже очень далеко от исходной проповеди безбрежного плюрализма. Майклу Клуну, автору статьи, это кажется особенно релевантным для культурных реалий XXI в., когда плюрализм принял форму ложного эгалитаризма коммерческой культуры: что кому нравится, то и прекрасно. По Джеймсу, совсем напротив, полноценно эстетическое переживание возникает из ощущения недостаточности той жизни, что ранее была или казалась удовлетворительной.

Рэндолл Кноппер, профессор Массачусетского университета в Амхерсте, трактует представления Джеймса об эстетическом опыте в свете нарастающего интереса современной когнитивистики к корпоральному сознанию, к той чувственно-аффективной «немысли» (*unthought*), что прячется в основе интуиции и творчества. Жизнь становится «остро интересной», утверждал Джеймс в упомянутом выше эссе, «будучи приведена к уровню недумания (*non-thinking*) или чисто чувственного восприятия» (цит. по с. 359), — как континуум, в котором ощущения и понятия перетекают друг в друга. Взгляд Джеймса прикован к области их взаимоперехода, которая описывается метафорически как *fringe* (край, кайма, бахрома, оторочка).

Эстетический (он же «чистый») опыт, таким образом, не вовсе бессознателен, но и не артикулируем, не подменяем говорением. Прекрасное может трогать нас до слез, мурашек или мороза по коже, но вербализация эстетического переживания или последовательно аналитический к нему подход может, по убеждению Джеймса-психолога, принести больше вреда, чем пользы.

> Традиционная психология рассуждает, как некто, полагающий, что река состоит из воды, измеряемой ведрами, ложками, горшками, бочками или иными емкостями, — пишет он в «Принципах психологии». — Но даже если бы такие ведра или горшки были расставлены в русле реки, поток все равно струился бы между ними. Свободный поток сознания и есть то, что психологи отказываются видеть в упор. А ведь этим вольным потоком омывается и окрашивается любой определенный образ — поток содержит в себе ощущения взаимосвязей ближайших и отдаленных, доносит умирающее эхо из мест, откуда струится, и несет в себе предощущение пространств, в которые устремлен. Значительность и ценность образа всецело зависимы от этого гало или полутеней (*penumbra*), которые его окружают и сопровождают, или, скорее, с ним сливаются, с ним неразделимы, как плоть, рождающаяся от плоти; при этом образ отсылает, конечно, к той же вещи, что и раньше, но — увиденной как бы наново и понятой впервые (цит. по с. 238).

Процесс познания в описании Джеймса выглядит странно, нимало не напоминает соотнесение субъективного с объективным. Он более сродни припоминанию слова или имени, которые «вертятся на языке», не желая выходить в ясную зону сознания. Мы перебираем приблизительные слова в поисках того, на которое отозвалось бы в нас «чувство правильности» (*feeling of rightness*), по природе своей эстетическое, поскольку подразумевает оно столько же прямое соответствие внешнему референту, сколько интуитивное ощущение гармонического «лада».

Для Джеймса огромного интереса исполнены периферийные элементы сознания, подвижные, допонятийные, доязыковые и поэтому безымянные. Их актуализация происходит в порядке адаптивной реакции сознания на ограниченность собственных артикуляционных возможностей, на собственную беспомощность перед роскошной избыточностью, богатством и текучестью опыта. «Края» (*fringe*) — это зона, где могут конденсироваться и подвергаться бессознательной обработке огромные объемы контекстной информации, своего рода мембрана, опосредующая восприятие нами потоков информации, к которой приковано сегодня внимание когнитивистики[1].

Ричард Шустерман, почетный профессор Флоридского университета, автор многих работ по прагматистской эстетике[2], в статье «Джеймс и эстетика: парадоксы языка и чувства» также трактует вопрос о соотношении опыта и языка. Склонность Джеймса к «лингвистическому скептицизму» (с. 52) довольно очевидна — он остро чувствует недостаточность речевого ресурса, которому жизнь снова и снова бросает вызов: «Life defies our phrases» (цит. по с. 102). Неустанного развития требуют поэтому и сам язык, и наши представления о нем. Сосредоточенность последних на референциальной функции оборачивается недостатком внимания к перформативно-творческой стороне дискурса, а именно к способам передачи «переходных

---

1 См. об этом подробнее: *Mangan B.B.* The Conscious «Fringe»: Bringing William James up to Date // Essential Sources in the Scientific Study of Consciousness / Ed. by W.P. Banks, J.B. Newman, B.J. Baars. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 746.

2 На русский язык переведена монография: *Шустерман Р.* Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства / Пер. с англ. М. Кукарцевой, Н. Соколовой, В. Волкова. М.: Канон+, 2012.

состояний» (*transitive states*), «чувственно воспринимаемых отношений» (*feelings of relation*), взаимодействий знакового и материального, ментального и телесного. Этот новый взгляд, будучи обращен на текстовые практики, прозревает в них то, что тысячелетиями пряталось в «слепой зоне». Слова, припечатанные типографской краской к странице, перестают казаться самодостаточными, когда и если мы помним, что их восприятие сопровождается движением глаз читающего, бессознательным движением языка и губ, иными неочевидными (нейро)реакциями. Этот микроуровень взаимодействия с текстом, нащупанный Джеймсом (и, разумеется, не только им) более ста лет назад, только сегодня становится предметом эмпирической разработки.

Не меньший интерес для современной литературоведческой рецепции представляет прагматическая проблематика верования (в лексиконе Пирса и Джеймса — *belief*). Профессор Оксфордского университета *Николас Гаскил* в названии своей статьи «The Will to Make Believe» соединяет формулировку из позднего трактата Джеймса «The Will to Believe» (1896) с расхожим выражением *make-believe*, означающим притворство, выдумку, игру воображения. Получается, что в контексте эстетического опыта *belief* (верование, убеждение) — это аналог *fiction* (вымышление, вымысел). Оба слова в трактовке философа-прагматиста подразумевают не представление о реальности, истинное или ложное, а действие, способ участия в реальности, формование отношения к ней и с нею. «Знаменитое высказывание Сэмюэла Тейлора Кольриджа о “добровольном воздержании от недоверия” (*willing suspension of disbelief*) привлекает наше внимание к тому, как странно ведет себя верование в контексте эстетического опыта, — поясняет Гаскил. — Читая, мы не то чтобы верим, но и не то чтобы *не* верим. Мы примериваемся к чувствам, мыслям и отношениям, в которые вводит нас рассказ или стихотворение, и в той мере, в какой мы позволяем им воздействовать на наш собственный опыт, экспериментируем с верованием как инструментом преобразования реальности» (с. 252).

Еще один мостик между Уильямом Джеймсом и современной литературной когнитивистикой и прагматикой строится с опорой на психологию внимания. Ранние исследования в этой области относятся еще к 1870–1880-м гг.; сегодня *attention studies* превратились в бурно развивающееся междисциплинарное поле. Понятно, что наше ощущение реальности зависит от качества внимания и его распределения. Внимание избирательно, всегда предполагает выбор, фокус и в этом смысле противоположно рассеянности (хотя и рассеянность, рассредоточенность — интересное и по-своему продуктивное состояние, которое Джеймс одним из первых попытался описать в «Принципах психологии»). Наше сознание, что-то замечая в мире, а что-то нет, подобно скульптору, вытесывающему фигуру из глыбы. *Эндрю Эпштейн* из Флоридского университета указывает в своей статье на тесную связь поэзии с процессами перцепции и на то, что поэты всегда были *внимательны к вниманию*. Можно даже сказать, что поэзия и есть форма внимания к миру и языку, описав таким образом ее важнейшую функцию в современном мире, где внимание — в остром дефиците.

Мысль Джеймса, таким образом, «просится» быть вписанной в контекст современности, как бы ни трактовать это скользкое понятие. *Стивен Мейер* (автор монографии о Гертруде Стайн, прилежной и своевольной ученице профессора Джеймса[3]) в статье «Модернизм по Джеймсу» связывает модернизм не с поиском новых художественных форм, а с распространением «радикального» эмпиризма,

3 *Meyer S.* Irresistible Dictation: Gertrude Stein and the Correlations of Writing and Science. Stanford: Stanford University Press, 2001. См. также: Cambridge Companion to Literature and Science / Ed. by S. Meyer. New York: Cambridge University Press, 2018.

готового иметь дело с множественностью и неопределенностью опыта. *Стефани Хокинс* из Университета Северного Техаса в статье «Уильям Джеймс и модернистская публичная сфера» отдает должное Джеймсу как публичному интеллектуалу и социальному философу характерно современной складки. Профессор Гамбургского университета *Дастин Брайтенвишер* сближает Джеймса с Хансом-Георгом Гадамером на почве общего интереса к «герменевтике страдания». *Том Дансер*, представляющий Университет Торонто, усматривает общность в позициях Джеймса и Бруно Латура, описывая ее так: человек в эпоху антропоцена утратил возможность воспринимать мир как пространство внешнее, созерцаемое «как из окошка», — вольно и невольно мы участвуем в мире, мы в нем «виноваты», — отсюда происходят радикальная неуверенность, растерянность перед лицом грозно нарастающих рисков.

Рубежи столетий — пришедшиеся на жизнь Уильяма Джеймса и на нашу жизнь — в этом отношении и впрямь схожи. Восемнадцатого апреля 1906 г. Джеймс проснулся в своем доме в Стэнфорде оттого, что кровать под ним ходила ходуном. Землетрясение оказалось не очень разрушительным и даже не слишком впечатлило жителей Калифорнии, чего нельзя было сказать о приезжем с северо-востока. В написанном по поводу пережитого тексте «О некоторых ментальных эффектах землетрясения» Джеймс размышлял о природе «катастрофического» опыта, от которого нельзя уклониться и с которым, следовательно, приходится справляться. Самой сложной, но и самой важной задачей в кризисной ситуации он полагал сохранение доверия к будущему, умение держаться «на переднем крае бегущей волны» (цит. по с. 85).

Венчает пестрый сборник статей «педагогическая» кода, очень заслуживающая прочтения. Из нее следует, что работу педагога Джеймс связывал с производством (а не только воспроизводством) знания и с пристальной саморефлексией участников диалога. Его главный педагогический принцип воплощен в императиве *Unclamp* (цит. по с. 392), подразумевающем работу по снятию блоков, избавление от ученического страха ответить неправильно, раскрепощение творческого потенциала.

Надеялся ли сам Джеймс на то, что исповедуемая им философия действия и взаимодействия, процесса и потока получит в дальнейшем применение и развитие? Надеялся и даже был в том уверен, полагаясь не столько даже на содержание, сколько на стиль своих сочинений. В мае 1907 г., сразу по прочтении верстки новой книги, — а это был знаменитый курс лекций «Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления» — он написал брату письмо, в котором охарактеризовал свой опус как высказывание очень «искреннее» и если не особо оригинальное, то располагающее звучанием («голосом») сильным и резким: «Не удивлюсь, если лет через десять в книжке начнут усматривать нечто “эпохальное”, поскольку в торжестве предлагаемого в ней способа мысли не питаю ни малейших сомнений» (цит. по с. 115). Нам остается констатировать, что автор точно угадал будущее, промахнувшись, правда, лет на сто.